

Шляков Алексей Владимирович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук
Тюменского индустриального университета

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НОМАДИЗМА ПОСТМОДЕРНА

Аннотация:

В статье рассматривается концепт «номадизм», понимаемый как социальная стратегия постмодерна, проявляющаяся в отказе от любой закреплённости, устойчивости. Производится корреляция понятия с повседневными социальными практиками человека постмодерна. Обнаруживаются общее и различное в геометрическом и социальном пространствах. Выявляются основные атрибуты номадизма в социальном поле: ризомность, аструктурность, ацентрированность. Выдвигается идея анализа социальных явлений через номадологический проект Ж. Делёза.

Ключевые слова:

постмодерн, номадизм, пространство, социальное пространство, ризома, мобильность.

Shlyakov Alexey Vladimirovich

PhD in Social Science, Assistant Professor,
Liberal Arts Department,
Tyumen Industrial University

SOCIAL ASPECTS OF POSTMODERN NOMADISM

Summary:

The article deals with the "nomadism" concept interpreted as a social strategy of postmodernity, that manifests itself in rejection of any fixedness and stability. The author correlates the nomadism with everyday social practices of a postmodern person. The common and the different in the physical and social spaces have been found. The paper discusses the main attributes of nomadism in a social field: rhizomeness, non-structuredness, noncentrality. The author suggests to analyse social phenomena in the framework of the nomadology project of G. Deleuze.

Keywords:

postmodernity, nomadism, space, social space, rhizome, mobility.

Мы живем в условиях смены парадигм: от модерна современности человечество вступает в эпоху постмодерна, что влечет за собой изменения в некогда устойчивых представлениях о мире, обществе, человеке.

В преמודерне европейский мир представлялся неподвижным кристаллическим образованием, не допускающим выход за пределы оседлости. Выделяющиеся из этой системы индивиды воспринимались как маргинальные исключения. В эпоху модерна индивид получил возможность перемещаться по возникшей иерархии, используя и вертикальное, и горизонтальное направления, причем вертикальная мобильность, приводящая к получению более значимого социального положения, воспринималась как ценностный скачок. В силу этого сам акт процессуальности перехода не особенно интересовал исследователей, внимание же уделялось стратам и их конкретным наполнениям (то есть узлам относительной устойчивости) [1].

Сегодня, в состоянии постмодерна, подвижность становится неременным атрибутом не только социальных субъектов, но и объектов. Кочевничество, или номадизм, реализуется как ландшафтно-территориально (через путешествия, туризм), так и социально (через получение шанса изменить свой социальный статус). Можно обнаружить корреляцию между номадологическим проектом Ж. Делёза и теорией социальной мобильности П. Сорокина, в которой рассматривается перемещение в социальном пространстве и субъекта, и объектов, при этом большее внимание уделяется горизонтальным и вертикальным мобильностям [2; 3].

В новом тысячелетии номадизм становится глобальным образом жизни, а пространство мира – ризомным, утратив центр и структурность. В результате различие между вертикальной и горизонтальной подвижностью стало иллюзорным. Смещение бытия в сторону виртуального пространства изменило и ценностное содержание статуса. Отныне не капитал символизирует успех, а приобретенное внимание (количество просмотров в сети Интернет, «лайки») [4]. Статусы еще продолжают существовать, но так как субъект постмодерна представляет собой совокупность игровых идентичностей, то их количественный набор становится вариативным.

Поражения и неудачи при переходе к новому статусу в постмодерне не воспринимаются трагично, ибо постмодерн – это ситуация тотальной неопределенности и предоставление шансов в пространстве сингулярностей может происходить неоднократно. Казавшийся в модерне устойчивым статус больше не обрекает субъекта на долговременные обязательства, а ставшее ризомным пространство предоставляет пронцаемое поле для социального скольжения. Достигнутое положение воспринимается как точка пути, которую нужно преодолеть в процессе кочевания по идентичностям. Постоянство осуждается как признак неудачника, не способного изменить свою жизнь. Призывы к постоянному движению, совершенствованию, развитию превращают мобильность в самоценность, а номадизм – в единственно верный способ существования, проявления

которого разнообразны и могут происходить во времени и пространстве, в предметном и социальном полях, быть потенциальными и актуальными. Подобное разнообразие форм требует от исследователя комплексного подхода к изучению номадизма: с обращением и к философии, и к социологии, и к истории, и к лингвистике.

В 2000 г. британский социолог Дж. Урри провозгласил новую задачу социологии, которая отныне должна быть направлена на исследование различных мобильностей, особенно горизонтальных и сетевых [5]. Этот манифест, определяемый Дж. Урри как «парадигма мобильностей», обозначил переход концептов «ризома» и «номадизм» из философского дискурса в социальное поле. Сама социология становится номадной, отказываясь от выделения при исследованиях структурности и упорядоченности объектов и обращаясь к самой процессуальности мобильностей. Номадизм становится неким «онтологическим абсолютом» [6, с. 76].

Все пространство города испещрено номадической ризомой (путепроводы, транспортные развязки), и она формирует ментальную карту постчеловека. Ризома воплощена и в системе канализации, трубопроводов, телефонных и радиолиниях; взаимодействуя с ними, постчеловек осуществляет свои повседневные практики. Номадизм, создавая новые культурные паттерны и хронотопические шкалы, влияет и на социально-политические изменения. Неподвижность и стремление к сохранению устойчивости подвергаются социальной эксклюзии. И если с позиции седентаризма любое движение рассматривалось как эксцесс, одномоментный исключительный акт, то сегодня, в рамках парадигмы постмодерна, номадизм с его бесконечным движением становится единственно значимой реальностью.

Номадизм меняет не только структуру пространства, но и общество в целом. По словам Н. Харламова, погружение в номадизм способствует высвобождению властвующих элит и превращению их в номадов-туристов, свободно передвигающихся вместе со своим капиталом по всему миру [7]. На наш взгляд, не только хозяева средств производства, но и низшие слои («информационный пролетариат») погружены в номадный образ жизни. Во-первых, наблюдаются охват новых территорий и удешевление сети Интернет, покрывающей самые дальние регионы, включая села и деревни, жители которых являются носителями «агротического сознания» (от греч. *ἀγρότης* – «селянин, сельский житель, живущий на земле»), оппозиционного номадическому, что позволяет практически любому субъекту осуществлять кочевничество по виртуальному пространству и переживать культурную сопричастность номадному образу жизни городских элит. Во-вторых, экономика постмодерна («третьей волны»), предлагая возможность мгновенного удовлетворения потребностей через систему кредитования, способствует приближению номадических паттернов к массам (кредит на путешествие, туристическую поездку, покупку автомобиля). В-третьих, всегда есть возможность совершать путешествия, не покидая кресла и глядя в телевизор, или, как писал Ж. Аттали, обратиться к различным рода алко-нарко-стимуляторам. «Наркотики – это кочевая субстанция для побежденных грядущего тысячелетия, отрешенных и отверженных. Они дают возможность для внутренней миграции, становятся чем-то вроде побега из того мира, который ничего им не предлагает» [8, с. 59].

П. Сорокин, исследуя мобильности, четко различал их воплощение в социальном и геометрическом пространствах: геометрическое пространство мыслится как универсум локализации физических феноменов, формирующийся вокруг позиций предметов, выступающих ориентирами, а социальное пространство возникает вокруг отношений между людьми [9]. Сегодня, в эпоху постмодерна, доступность коммуникативных возможностей в любой точке пространства и подвижность самих ориентиров сделали различие между социальным и геометрическим пространствами иллюзорным. Геометрическое расстояние перестало быть «далеким», ибо преодолевается за минимальное время. Социальный статус утрачивает значимость в условиях неопределенности и перехода к сетевому обществу. Понятия модерна «структура», «порядок», «организованность» уже не отражают существующей реальности глобализованного мира, что делает необходимым обращение к новым метафорам – «потoki», «сеть», «каналы» [10]. Двигаются не только субъекты, но и объекты физического и виртуального миров, а также информация и капитал, приобретая тем самым свойства социального [10, с. 7].

Таким образом, новое номадическое общество постмодерна представляет собой некую гибридную систему, включающую множество сложных взаимосвязей между субъектом и местом, между двумя или более субъектами (что достигается использованием средств коммуникаций, побеждающих пространство), между точками пространства, а также взаимодействие с технологическими комплексами, формирующими номадность, подвижность социального. Гибридность достигается сочетанием предметности и мобильности, субъектов и предметов, технологий и производства топосов как социальных феноменов.

Ссылки:

1. Веселкова Н.В. Новые исследования мобильности: совпадающие и несовпадающие потоки, социальная компетентность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 56, Т. XIV. С. 50–66.
2. Сорокин П. Социальная мобильность. М., 2005. 588 с.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато / пер. с фр. Я.И. Свирского. М., 2010. 895 с.
4. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. 252 с.
5. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М., 2012. 336 с.
6. Adey P. If Mobility is Everything Then it is Nothing: Towards a Relational Politics of (Im)mobilities // *Mobilities*. 2006. Vol. 1, № 1. P. 75–94.
7. Харламов Н. Пространство мобильного мира [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/5/prostranstvo-mobilnogo-mira> (дата обращения: 06.06.2016).
8. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993. 70 с.
9. Сорокин П. Указ. соч.
10. Филиппов А.Ф. Парадоксальная мобильность // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). С. 8–23.
11. Гаврилюк В.В. Специфика проблемы одиночества в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2007. № 3. С. 5–10.

References:

- Adey, P 2006, 'If Mobility is Everything Then it is Nothing: Towards a Relational Politics of (Im) mobilities', *Mobilities*, vol. 1, no. 1, p. 75-94.
- Attali, J 1993, *On the threshold of a new millennium*, Moscow, 70 p., (in Russian).
- Bard, A & Zoderkvist, J 2004, *Netocracy. The new ruling elite and life after capitalism*, St. Petersburg, 252 p., (in Russian).
- Deleuze, G & Guattari, F 2010, *Capitalism and Schizophrenia: A Thousand plateaus*, Moscow, 895 p., (in Russian).
- Filippov, AF 2012, 'Paradoxical mobility', *Otechestvennyye zapiski*, no. 5 (50), pp. 8-23, (in Russian).
- Gavrilyuk, VV 2007, 'Specificity of the problem of loneliness in a modern Russian society', *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, no. 3, pp. 5-10, (in Russian).
- Kharlamov, N 2012, 'Space of the mobile world', *Otechestvennyye zapiski*, no. 5 (50), viewed 06 June 2016, <<http://www.strana-oz.ru/2012/5/prostranstvo-mobilnogo-mira>>, (in Russian).
- Sorokin, P 2005, *Social mobility*, Moscow, 588 p., (in Russian).
- Veselkova, NV 2011, 'New research mobility: matching and mismatching flows, social competence', *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, no. 56, vol. XIV, pp. 50-66, (in Russian).
- Urry, J 2012, *Sociology beyond societies. Types of mobility for the XXI century*, Moscow, 336 p., (in Russian).